

Принцип Бесконечности

Юлия Сова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Юлия Сова

Принцип бесконечности

«Автор»

2026

Сова Ю.

Принцип бесконечности / Ю. Сова — «Автор», 2026

Бесконечность разделена на множество обитаемых параллелей, и в одной из них, на Земле, однажды случается чудо... У земной женщины рождается невероятное существо, и никто не может этого ни понять, ни объяснить.... Бесконечное время нелинейно. Параллели бесконечности, как детали единого пазла, при этом самостоятельны и подчиняются лишь закону высших создателей и исконных правителей. Люди, кентавры, живые, мёртвые... Существа схожего облика, и непостижимые сущи. Все они населяют бесконечность, и всё творящееся в ней и с ними - суть жизнь. Но однажды, появится некто, желающий власти надо всей бесконечностью, и всеми параллелями в ней, и... Его противница, человек кентавр. Высшие не борются с людьми. Даже с преступниками и захватчиками. Истинная магия - высшая игра необъяснима, и лишь в самом конце, каждому игроку станет известен её смысл.

© Сова Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Юлия Сова

Принцип бесконечности

Глава

Городская больница жила своей размеренной утренней жизнью. В стёклах окон, спрятанных за толстыми наличниками, как начинка в ватрушке, горел желтоватый свет. Если не знать, что это больница, и не простая, а роддом, можно было принять это здание за декорацию к какой-нибудь сказке. Старинный домик, доживающий свои последние дни. Скоро его не будет на карте старого города, и ровно через несколько часов навсегда изменится жизнь многих людей параллели Земли.

Мягкие белые хлопья снега срывались с ветвей бесшумно. Посеребрившие утренние звёзды, преломляясь в оконном стекле, плакали, стекая мутными разводами.

- Ещё. Ещё. Тужься! - звучал голос врача.

Женщина едва дышала, но старалась выполнять все указания врача. Медсёстры, переглядываясь тревожно, склонились над ней. Она видела их взгляды, ей было страшно, но она вся обратилась в слух. Кто родится? Кого она производит на свет сейчас? Родится ли?

* * *

Через час Виктор Викторович Шапский нервно курил в тамбуре перед реанимационным блоком и жарко объяснял по телефону невидимому собеседнику, старшему товарищу из центральной городской больницы:

- Нет, я не понимаю! Я просто не понимаю! Нет, я в себе, чёрт побери! Но... Но это нелепо! Это просто чушь какая-то! Бред! Что? Свидетели? Да какие могут быть свидетели, вы что?! Это были роды! Обыкновенные роды!

Короткие гудки оборвали жаркую тираду Шапского. Он бросил трубку и закурил, нарушая правила не курить перед операционным блоком. Осторожно, крадучись, к нему подошла акушерка Маша, принимавшая вместе с ним роды. Постояв немного, нерешительно присела на край стула рядом.

Мраморный столбик пепла вырос и периодически срывался с сигареты на ковер, оставляя на нем аккуратные детали, как выстраивая какую-то замысловатую фигурку. Наконец весь табак выгорел, и раскалившийся фильтр обжег Шапскому пальцы. Он отбросил от неожиданности окурочек. Маша тоже пришла в себя. Шапский поднял окурочек, бросил в пепельницу, и плюхнувшись на стул, закурил новую сигарету.

- Виктор Викторыч... - негромко начала она.

- Никаких вопросов! Сейчас только никаких вопросов! - резко оборвал её Шапский, раздражённо курая. - Нет! Они мне доказывают, что я ёбнулся, вашу мать! Что я псих! Нет, ну вы представляете?! Вы же видели это!

Шапский резко затушил сигарету и куда-то пошёл, продолжая разговор сам с собой, яростно жестикулируя. Маша хотела было идти за ним, но тут в помещение вошла Лада, вторая медсестра.

- Ну, как? «Он что-нибудь сказал?» —шепотом спросила девушка.

Маша поднялась. Вздохнула, покачала головой и как сомнамбула пошла куда-то. Лада осталась одна.

Она была страшно напугана. Такого она никогда не видела, да и предположить не могла, что когда-нибудь нечто подобное увидит. Что такое вообще возможно! Этой ночью, казалось, самой обыкновенной ночью, женщина родила... Чёрт возьми! Непонятно кого! Это был не урод,

не больной ребенок. Это был не человек! Непонятно, кто. Не мышонок, не лягушка, а неведома зверушка.

Про испытания на ядерных полигонах в стране слышали все её жители, но в детали были посвящены, как обычно это бывает, единицы, принимавшие непосредственное участие в этих опытах. Что могла знать акушерка стационарного родильного отделения о ядерных реакторах, бомбах, взрывах, и их последствиях для Земли? Как ни удивительно, но гораздо больше многих, кто писал о данном явлении научные труды. Больше не технических деталей, но следствия этих опытов над Землёй, над людьми и судьбами. В родильные отделения главного города этой страны, практически не попадали женщины, носящие плоды, заражённые отголосками опытов. Но Лада приехала в столицу недавно, раньше проработав во многих родильных домах. Ей не раз случалось присутствовать на тяжелых родах, наблюдать рождение и, фиксировать смерти младенцев. Горькие воды эмоций, захлестывающих её сердце, всякий раз, когда видела мертворожденного младенца, или ребёнка с врожденными патологиями, всякий раз оставляли рубцы на сердце. Женщина искренне сочувствовала доктору Шапскому, которому пришлось пережить появление этого существа. Принять его, помочь появиться на свет, и теперь ещё отвечать за это рождение, будто за преступление.

А настоящие преступники не марали ни руки, ни души. Не наблюдали рождений, и смертей обречённых младенцев, жертв испытаний, которые проводили они, учёные, и политики, во благо развития всяческих техногенных процессов. С детства Ладе запала в душу полусекретная история сухумского обезьяньего питомника. На черноморском курорте жили родственники, и родители маленькой Лады любили там отдыхать летом. Девочка нередко бывала в питомнике, любила смотреть обезьянок. Но когда ей рассказали историю появления того самого питомника, она смертельно перепугалась, и долго ещё искала черты приматов на лицах людей. Теперь ей казалось это смешным, но о том, что такое психическая травма, Лада узнала, только когда пошла учиться в медицинское училище, а раньше, просто помалкивала о своих детских страхах, но теперь, все они вновь вылезли на поверхность. «Если ещё в двадцать седьмом году люди могли додуматься до того, чтобы организовать этот страшный испытательный центр, обезьяний питомник, где, как гласит легенда, пытались скрещивать обезьян и людей, для получения каких-то целебных вакцин, то почему не может быть такого, что этот страшный монструозный ребёнок - подобный мутант? Боже, как всё это страшно! Так и с ума сойти недолго. Эксперименты, опыты. Ну, почему все эти экспериментаторы не думают, что прогресс не должен твориться за счёт душевного спокойствия, и здорового рассудка людей?»

Ладу снова передернуло от воспоминаний об ужасающем зрелище, появлении на свет мальчика с телом коня. Когда-то она что-то слышала о мифических существах кентаврах. Полулюди, полукони. Но это, ведь, мистика! Этих существ нет, и прогрессивное время заставляет быть уверенным, что никогда не было. Но она видела! Видела настоящего кентаврёнка, или как его ещё назвать? Что теперь? Что же дальше? Что будет с этим ребёнком, с этой женщиной, с ней самой, наконец? Она ведь, не сможет теперь жить, как раньше. После всего увиденного привычный, и такой реальный мир рухнул, а она сама панически боится!

Когда Виктору Шапскому стукнуло сорок пять лет, и он в принципе понял, что ничего больше, чем стать врачом городского родильного дома ему не светит, он не переставал читать научную литературу. Учил, то самостоятельно, то когда позволял доход, с учителем английский язык. Иностранный язык давался взрослому уже человеку непросто, но ежедневно он уделял урокам не менее трех часов. Зачем? Шапский чётко не сформулировал для себя то, что ему предстояло сделать в будущем, но желание изменить устойчивую программу своей собственной семьи, каждый день подкрепляемое тем, что он видел вокруг, постепенно сформировало идефикс - вырваться из замкнутого круга, которым он считал страну, в которой ему пришлось родиться. Добиться другого уровня жизни, иного статуса. Он знал, конечно, что не один такой,

но это его только подстегивало. Успешные примеры знакомых и не знакомых людей, только усиливали его уверенность в том, что всё получится.

Он даже поступил в аспирантуру института, который окончил много лет назад. Докторская степень нужна была ему даже не ради дополнительных денег, статуса и возможностей, но он мечтал достичь самого этого пьедестала. Встать на него, ибо был уверен, мир - это стеллаж. Все события и человеческие действия, даже мысли, как предметы разложены по полочкам. Всё понятно и предсказуемо. Философия медицинского сообщества сильно изменила его представления о жизни. Он быстро понял, что все врачи вампиры. Бывает, что по-белому, но случается, что и по-чёрному. Шапский был из тех, кто всегда вампирил по-белому. Иначе у него не получалось, даже когда он бы того хотел (с особо гадливыми пациентами). Вампиризм заключается в получении энергии, соответственно и сил оттого, что удавалось сделать что-то особенно хорошо. Помочь тогда, когда помощь была необходима.

Столкнувшись с тем, что в процессе контакта с пациентами, обойтись без субординации невозможно, он легко согласился с этой данностью. Хотя, бывало, вспоминал, как начал свою трудовую деятельность. В деревеньке, где и было-то всего домов десять, занятых, преимущественно стариками. Едва поползли слухи о молодом городском враче, как старики приободрились, и со всей деревни, да и из ближайших сёл, стали ехать к нему. Не для того, чтобы вылечить застарелую свою болезнь! Старость не излечима, но они приезжали, и приезжали. Бабульки и дедки приходили к нему на приём, как в ДК, или в театр. Постепенно, доктор Шапский начал понимать, что люди слишком просты, и очень трогательны в своих играх, чтоб все-речь на них сердиться. Шапский выслушивал бабок, разговаривал с ними, тратил своё время, но дивиденды оказались хороши. Покой. Понимание правильности - и самого себя, как человека, и всего творящегося - это и был закон компенсации в чистом виде.

Долгие годы, создаваемые и оттачиваемые данности жизни составляли пресловутую систему человеческих ценностей, и являлись базой основой тремя китами мироздания. И вот в одночасье вся эта стройная, пусть не всегда приятная, но понятная и привычная система рухнула! Шапский продолжал по привычке заставлять себя рассматривать свершившийся факт с точки зрения науки, но, как ни странно, всё меньше собственным аргументам доверял.

Ещё до родов Натальи Ивановой, когда доктор слушал сердцебиение, прощупывал живот женщины, пытаясь определить расположение плода, всё казалось ему несколько странным. Поначалу он, естественно предположил неправильное расположение плода, но опасения не подтвердились. Шапский не стал попусту запугивать молодую женщину и порекомендовал ей поделать стандартные упражнения до родов. Госпитализация была назначена на следующую неделю. Беременная перепугалась, что с ребенком что-то не так, принялась расспрашивать врача, что, как, и в этот момент впервые в жизни Шапского прозвенел первый звоночек. Потусторонний несколько звоночек. В его голове совершенно отчетливо, сродни, наверное, голосам, которые слышат шизофреники, прозвучало: «там вообще не человек»... «А кто?!» - задался он вопросом, но так и не получил ответ. Но, с тех пор, смутная тревога поселилась в голове врача, и до самых этих родов не отпускала.

Перед родами, только для того, чтобы успокоить самого себя (ведь роженица чувствовала себя прекрасно!), он ещё раз осматривал будущую роженицу. То, что было непонятно с самого начала, а именно «лишняя часть» плода теперь прощупывалось более отчетливо. К тому же, эта часть плода заметно шевелилась, - как бывает, особенно, на последнем триместре, когда ребёнок шевелит руками и ногами. Но, в данном случае, конечностей прощупывалось... Словно в матке находится инородный организм. У врача, конечно, промелькнула мысль о мёртвом плоде близнеце, но он отнёс это предположение обычными анализами. К тому же, Наталья прекрасно себя чувствовала, а такая аномалия как мёртвый эмбрион не могла никак не отразиться на матери. Для перестраховки Шапский вызвал для консультации знакомого профессора Илью

Ильича Кулина, опытного гинеколога акушера, ведущего специалиста, но и тот, внимательно осмотрев женщину, не выявил никакой особенной аномалии. «Не заморачивайся, Шапка. Ну, родит она какого-нибудь уродца с четырьмя головами. Будет в твоей коллекции очередной «случай». Тебе для твоей докторской самое оно! Будто ты не сталкивался никогда с такими патологиями. А-а, понял, птичку жалко? То есть девочку? Понял - понял!»

Да нет же! - ответил Шапский, чья диссертация была, как раз на тему патологий в развитии плода. - Дело не в этом, Илья Ильич. Не в девочке, и даже не в том, что это, возможно, очередная патология. Понимаешь, то, что я там у нее нащупал, вообще не похоже на плод... Точнее...

Но маститый врач отрезал: «перестань-ка ты, Шапка, психовать. Иди отдыхать, завтра - послезавтра девочка родит, и ты либо узришь очередного очаровательного карапуза, либо... Явишь свету, читай комиссии, младенца с какой-нибудь врожденной патологией. Не парься, говорю тебе!»

Тот давнишний случай, Шапский считал наказанием себе за скудость восприятия. Врожденные уродства - вот был его «потолок». Тема диссертации, которую он с таким трудом писал, вымучивая из себя буквально каждое слово, была злободневна в научных медицинских кругах.

Сбой

Город пребывал в замороженном неожиданно нагрянувшей зимой состоянии. Свежевыпавший снег, такой редкий минувшей зимой, и такой неожиданный в середине весны поразил горожан, и казалось, немного их усыпил, как легкое снотворное. С ног не валит, но затормаживает реакцию. Апрельский кот, уже отмучившийся плотским своим буйством, брезгливо отряхивал лапы, выбираясь из сугроба. Неожиданно спугнув кота, заскрежетала деревянная дверь одного из технических зданий возле метро «Таганская». Кот, экстренно сгруппировавшись, вылетел из сугроба и понесся по улице в неизвестном направлении.

Эта дверь не открывалась очень давно. Точнее открывалась она всего два раза. Впервые, когда её только установили и проверяли, сколько минут занимает подъем по лестнице из тоннеля и выход на улицу вместе с подъемом железного щита отделяющего дверь от фиктивной части стены, снаружи отделанной кафелем, но, по сути, только картонной перегородки. Эту часть несколько опасную с технической точки зрения (вибрация, создаваемая на путях поездами, рано или поздно могла дать о себе знать) отстроили специально. В момент опасности может элементарно не быть времени на то, чтобы ломать капитальную стену.

На деле выход занимал чуть больше времени, чем задумывалось изначально, но поскольку никакого другого варианта инженеры, сколько не силились, предложить не могли, был принят этот вариант. Дверь открыли изнутри. Вышли на улицу и... Закрыли плотно до щелчка множества самых современных оснащенных хитроумными шифрами и кодами затворов. Сверху на неприметную изначально шербату внешнюю обивку навесили тяжеловесный чугунный замок. Снаружи подвели ток и специальную сигнальную систему. При попытке проникнуть снаружи, гипотетический взломщик обязательно бы попробовал каким-то образом потревожить дверь - сорвать ли, сбить ли замок или распилить древесину двери взорвать, наконец. В случае любого подобного прикосновения на пульт управления путей сообщения в специальный отдел мгновенно поступал сигнал, и уже через какие-то минуты на месте будут милицейские машины.

Примерно так, в параллели Земли, фактически, устроена вся система контроля. Едва кто-то из людей начинает подавать признаки интереса к "запредельному", как, к примеру, стратегически важный объект метрополитен, тут же, даже если раньше никакого интереса к теме не было, на неё ставится запрещающий знак, или она помечается грифом "секретно". И контроль, контроль, контроль...

Мониторинг всего живого, как способ бытия, и его смысл, окопавшийся прорастающий во времени и пространстве. Но всё равно, сколько бы не бились в неравных боях люди с чудесами,

неосознанно, всё равно, постоянно находятся с бесконечностью "на связи". Потому и так похож - не по форме, но, по сути, этот фиктивный выход на улицу из туннеля подземки, со всеми своими щитками, картоном и замками, на выход из туннелей запределья Земного.

Ибо, то не нижний, и не высший из миров. То бесконечность...

... Дверь, так неожиданно появившаяся за одну ночь, никого особенно не удивила, да и не заинтересовала даже. Люди её просто не заметили. Стояла бы и дальше, "до второго пришествия"... И вот, пришествие свершилось. Во второй раз, дверь открыла она. Эта женщина среднего возраста выглядела обычно: немного неприятные черты лица, слишком резкие, будто "птичьи". Но её клетчатое бордовое пальто, высокие замшевые сапоги, и черные вязанные перчатки ничем не отличались от тех, что были на манекене в витрине соседнего магазина, и в целом, это была усреднённая - среднестатистическая женщина средних лет, и средних внешних данных. Она выбралась из сугроба, и пошла по улице по следам убежавшего кота.

Доктор Шапский включил свет в коридорчике перед лаборантской, и медицинская комиссия столпилась перед входом. Доктор театрально поднял руки ладонями вперед: «Внимание господа! Минуточку внимания!» - стало тихо, только противно жужжала лампа искусственного освещения на потолке. - «Прежде чем мы войдем, я хочу ещё раз напомнить, что то, что вы увидите, может шокировать даже вас, опытных врачей. Ни в одном учебнике, даже в публицистической книжке с картинками вы такого не видели, ручаюсь! Отнеситесь к моим словам серьёзно, коллеги, - чуть понизив голос, добавил он. - И будьте осторожны, ведь мы не знаем, чего ждать от этого существа». С этими словами Шапский вставил ключ в замок двери, и повернул его.

Голубоватый свет лампы искусственного света делал небольшую лаборантскую чем-то похожей на подводный мир. Множество склянок и муляжей дополняли картину, а на металлическом столе лежал накрытый белой простыней... Он.

Шапский встал перед столом. Лицом к комиссии перекрыв собой объект под простыней.

- Так вы его усыпили? - Спросила Шапского женщина врач из комиссии.

- Да. Он был... Несколько шумный, так сказать. У меня ведь здесь не психушка. Родовое все-таки.

- Да-да, но не повредит ли ему это. Как они, вообще реагируют на наркоз? - Врач подбирала слова, запинаясь и все пыталась заглянуть Шапскому через плечо.

- Уважаемая ни вы, ни я, ни даже главный врач Москвы, поверьте, не сможет вам ответить. С подобным.... Хм... Явлением никто и никогда в этом мире не сталкивался! Никогда, поверьте мне. Однако я устал уже повторять одно и то же всем, так сказать, любопытствующим. Начинаем осмотр господа!

С этими словами Шапский развернулся, и ловко отдернул простыню.

На столе лежало существо, идентифицировать которое сразу, и подобрать нужное определение мог человек не только образованный, но и интересующийся мифами. Крохотное младенческое тельце с лысой головой, и симпатичным даже человеческим личиком. Нормальной длины шея плечи пропорциональные туловищу ручки. А дальше... Дальше торс с человеческим кожным покровом перерастал в туловище жеребенка! Да, покрытый гладким блестящим черным волосом круп, и четыре ноги с копытцами. Кентавренок.

Словно сошедший с картинки из книги «Легенды и мифы» человек-конь, кентавр во плоти выглядел точно так, как его описывали мифологи и сказочники. Кентавренок мирно посапывал, трогательно приоткрыв ротик, и иногда причмокивая. Маленькие пальчики изредка шевелились во сне. Покрытый блестящим волосом торс животного едва заметно поднимался при вдохе. Ноги иногда беспокойно вздрагивали, и чуть слышно постукивали копытцами по поверхности стола. Ребенок спал. Комиссия склонилась над столом. Врачи, опытные маститые доктора, видевшие много младенцев, насмотревшихся за долгие годы своей меди-

цинской практики на различные врожденные патологии, не могли поверить своим глазам. Существо, именно так назвал кентаврчика каждый про себя, спокойно спало, а Шапский не церемонясь, взял голову ребенка двумя руками, и развернул лицом к «зрителям».

- Вот смотрите! Нормальное абсолютно, человеческое лицо. Ребёнок! - Шапский истерично хохотнул. - Голова руки грудь живот и две пары симпатичных лошадиных ножек! Раз - два - три - четыре! - доктор пересчитывал ноги кентаврчика, приподнимая одну за другой. Это была истерика. Настоящая истерика, и Шапский перестал пытаться себя контролировать. Появление этого существа, рождение его в современном городе, в современной стране, да что там, в реальном мире... Это же совершенно невозможно! Если бы подобное случилось в другом родильном доме с другим врачом, Шапский бы не поверил и решил, что это очередная хитроумная выдумка ученых или на худой конец каких-нибудь спецслужб. Но сейчас, к великому своему сожалению он не мог так считать. Это случилось с ним. Реалист до мозга костей, человек, напрочь забывший сказки, которые читала ему на ночь мама, и живший исключительно наукой, впервые не мог уложить в голове то, что видит собственными глазами.

* * *

... Колдунья Ирма давно была мертва. Переход забирает самоубийц навсегда - кого-то для долгожданного счастья, а иных, для бесконечного поиска. Для колдуньи, теперь ставшей лишь бесплотным духом, уделом стало беспрестанное метание в заведомо бесполезном поиске пристанища, среди множества параллелей, пока однажды, почти обезумевшая от невозможности что-либо изменить, некогда могущественная колдунья не услышала зов.

«Как же мы с тобой похожи К.! Мы даже могли бы быть счастливы вместе, если бы не желали так Высшей власти!» - думала Ирма, при этом, глядя на кентаврчика, мирно спящего в кувете.

Взрослый кентавр практически бессмертен, его уязвимая точка – это не часть тела, но чувство. Незримая субстанция, душа способна погибнуть, отдав свою силу в жертву. Но смертен ли маленький кентавр? Ирма не смогла помешать его появлению на свет. Сила разрослась, и теперь, и в её параллели, и мире К., но во всей бесконечности, человеческая энергия и энергия кентавров объединилась. С каждым днём, от этого слияния (или, возвращения?) двух миров - двух природ, всё тоньше стена между параллелями земного хаоса, и миром волшебства во плоти, и повсюду. Их с К. миром...

Там не место Наим. И не место кентавру, в чьих жилах течёт человечья поганая кровь. Сколько будет насилия, рваной раной пороков и алчности, свойственной людям земли, с этой кровью принесёт он в покой её параллели? Но, убеждая себя в высокой миссии, Ирма всё равно понимала, что в ней нет органической ненависти к кентаврскому племени. Птица, колдунья, мертвец. Смерть в проклятой гнилой плоти. То ли сущь, то ли зверь. То ли женщина. Это всё - она, не любимая, некрасивая, не - не - не, но... Но и в ней родилось, и никуда не уходит другое, не сродное со всей её природой, чувство любви.

Что ж так болит? Саднит...

Душа.

Ка...

... Женщина, в клетчатом пальто, вышедшая на улицу зимним утром. Откуда она пришла? Откуда узнала про этот тайный ход? Никто не смог бы ответить на этот вопрос, если бы увидел, как она выходила из этой двери. Но никто не мог бы этого увидеть, ведь она предусмотрела, казалось всё.

Ей удобнее было простить, хотя бы для вида, хоть на короткое время попытаться забыть предательство К. Кто он ей? Несбывшаяся мечта о достижении. Отражение её павшей любви. Фантом, иллюзия, не более, но она готова была помогать ему снова и снова, лишь для того, чтобы вновь появиться в любой параллели бесконечной вселенной. Хотя бы на миг... Высшие наказали Ирму. Своё преступление она знала, и покорно приняла, но теперь она отвечала не

только за себя, но и за К. После того, как он предательски бросил её в недрах перехода на растерзание тамошних лярв, Ирма поклялась отомстить за себя. И именно поэтому она хотела помочь ему. Подтолкнуть, чтобы приблизить к бездне. Так ей казалось тогда, и колдунья наслаждалась местью.

Визуальное воплощение зла. Оно не может зацепить, задеть за живое всех без исключения, хотя бы потому, что бытующее в параллели Земли мнение, что все люди разные, накрепко внедрилось в человеческое сознание. Так удобно. Колдунью Ирму не смог бы узнать никто из ныне живущих. Портреты древности не сохранили её лик. О дочери почтенного векиля, наказанной Богами и отцом, колдунье, проклявшей Богов, и погубившей себя не осталось памяти. Огонь уничтожил всё, оставив лишь мифы, на которых возрастали будущие истории любви. Колдунья Ирма породила новое обращение значений. Из праха в тлен оборотясь, она не сгнила в тщете, но унеслась ввысь. Бесплотный дух памяти, растворившийся навеки во времени.

* * *

Нэта вздрогнула и открыла глаза. Она смотрела на белесый искрящийся свет и не могла понять, где она. Все вокруг мгновенно окрасилось белым, слепящий глаза свет мешал разглядеть помещение. Переход в параллель Земли дался ей с трудом. Высшие задали данность, она должна была родить ребёнка здесь, на Земле, ибо она земная, а в момент рождения правит природа.

Высшие открыли ей не всё. Андо смог лишь намекнуть о миссии, о гармонии, приближение которой, поможет и его возвращению. Женщина не задавалась лишними вопросами, кентавры научили её главному: миссия, какой бы она ни была, должна быть исполнена.

«Кто?» - тихо спросила она, надеясь, что где-то рядом врач. - «Кто у меня родился? Доктор? Доктор, где вы?!»

И вдруг, она заметила её. Она узнала её немедленно, Андо научил снимать маски, но этого и не требовалось. Никакая маскировка не скроет этих глаз. Никакой образ не спрячет сути колдуни.

Нэта надеялась, что все это только сон. «Нет! Эта женщина, с глазами спаниеля, и видом дешевой клоунессы из рекламы кафетерия, не может быть колдуньей Ирмой. Ведь она пропала тогда в параллели! Хотя... Она могла взять этот образ, когда прибыла сюда, потому что не знает здешних реалий. Не поняла, что это карикатура...» Она смотрела на колдунью, не сводившую с неё своих страшных глаз, а доктор Шапский стоявший рядом, словно оцепенел, неотрывно глядя на незваную посетительницу. «Он видит её. Значит, она может придавать физическое внимание. Ну же, сделайте хоть что-нибудь! Я не могу подняться! Помогите!» Но могла лишь заметить шприц в руке Ирмы.

«Нужно позвать хоть кого-нибудь! Сестру, врачей. Да, хоть из другого отделения! Это не дело. Уже галлюцинации начались! Что это? Кто?!» - Шапский отчетливо увидел сейчас в палате женщину. В пальто. Он хотел, было окликнуть её, выгнать из палаты, накричать, в конце концов. Беспредел, вообще. Ещё и в верхней одежде! Но ноги не слушались, а рот словно был заклеен. Врач с ужасом наблюдал, как женщина подошла к роженице. Он различил в её руке шприц. Вот она выпускает из шприца с какой-то жидкостью воздух. Вот подносит его к руке Наташи...

Шапский не мог больше наблюдать, молча и бесстрастно за действиями незнакомки, но не мог и остановить её. Он был парализован. Но в это мгновение, тёмная гигантская тень заполнила помещение. На секунду Шапскому пригрезилось виденье, как тень огромного кентавра рванула в сторону женщины со шприцем, и роженицы. Взметнулся поток воздуха, и врач, задохнувшись беззвучным криком, провалился в вязкую тьму.

* * *

... Доктор Шапский очнулся на диванчике в соседнем кабинете, на который его перенесли. Вокруг него столпились врачи родового блока и акушерки. Медленно расклеив веки, пару секунд он смотрел на коллег, не понимая, что произошло, а затем подскочил, испуганно выпутываясь из плета, в который его заботливо укутали акушерки.

- Виктор тебе надо полежать ещё. Я тебе вколол... - начал, было, доктор Энин, анестезиолог отделения, но Шапский зашнуровывая быстро ботинки, его перебил:

- Вколол, вколол... У меня роженица там! Ты не в курсе? Что я тут делаю?!

Акушерка, обнаружившая врача в родовой палате на полу рядом с операционным столом, и врачи отделения переглянулись.

- Шапка успокойся! - доктор Энин решился, наконец, и шагнул к суетящемуся Шапскому.

- Роженица твоя в порядке, сейчас в палате в моем отделении. А тебя, если ты забыл, мы нашли в родовой. Ты вырубился, отключился...

- А... Ребенок? - Шапский вскочил и, оглядев всех в комнате, спросил: - Ребёнок жив?

Все присутствующие, как-то одновременно затихли, суетливо отворачиваясь. И вдруг, опытная пожилая акушерка, Ирина Ивановна волнуясь, и чуть не плача взяла на себя миссию сообщить доктору, что его роженица произвела на свет живое, но... Совершенно невообразимое существо!

- Не волнуйтесь Виктор Викторович... - начала она.

* * *

... Прошло всего несколько часов с тех пор, как Шапский «явил чудо» комиссии в лаборантской, но когда медицинская сестра вошла в спецблок, куда поместили новорожденного кентаврёнка, его там уже не было. Стол, на котором лежало существо, был аккуратно застелен простыней, горела сигнальная лампочка, но чудо ребёнок исчез! Помчалась к доктору, тот начал звонить, сообщать, узнавать. Кто, как, и когда мог украсть младенца? Унести его из больницы, и остаться незамеченным?! Очень скоро, медики, как один перестали вообще верить в реальность недавних событий. Пропал не только ребенок, но и его мать - из реанимационного отделения исчезла и Наталья Иванова. Её медицинской карты не нашли, а медичка в регистратуре отыскала аж четыре пухлые карты, и все на имя Натальи Ивановой, с разными адресами, и разными годами рождения. Дело об этих исчезновениях ушло «наверх».

Вердикт главврача города Москвы был однозначен и, видимо из жалости, так никогда и не озвучен полностью во всеуслышание. Гинеколога акушера В.В.Шапского тихо отстранили от работы в больнице, и принудительно направили на обследование в психиатрической клинике на Сходне. Его коллеги - свидетели этих событий, благоразумно подписали необходимые бумаги, где дружно лжесвидетельствовали и сообщали властям свои авторитетные мнения, сводившиеся к тому, что их молодой коллега стал жертвой реактивного психоза с галлюцинациями, наступившего у него после гибели накануне любимого домашнего питомца, щенка, под колесами пригородной электрички.

Чёрти что. Шапский терпеть не мог собак и никогда не имел четвероного друга.

Как бы то ни было, доктор запомнил произошедшее на всю жизнь. И каждую ночь, едва закрыв глаза, видел эту женщину, Наталью, и её удивительного младенца. И с каждым днём, врачу было всё труднее оставаться реалистом, и не получалось до конца избавиться от ощущения, что эта история ещё не закончена, и когда-нибудь, он всё-таки разгадает эту тайну.

Papilio

Марк шёл по тёмному заснеженному переулку к своему дому, мысленно кляня эту улицу, этот город, и заодно всю страну - «корабль уродов», как привык её называть.

Ему было 25, он был здоров, образован, и харизматичен, но ему было скучно. Всегда и всё скучно, и с каждым днем, скука эта жирела и сгущалась. Немой вопрос "зачем это всё?" стал вечным фоном, стеной, плотной и глухой, не пропускающей ни сомнений, ни бунтарства.

Привычка проклинать, на всё фыркать, видеть, и ощущать всё вокруг, как говно, давно уже была чем-то вроде клейкой ленты от мух. Где-то в подсознании болталась, залепленная гадкими дохлыми насекомыми, не жалила, и не воняла, но выглядела мерзко.

Он старался как можно быстрее пройти тёмный участок двора. Как флэшбеки в триллерах в голове вертелись обрывочные воспоминания о происшествиях в таких вот тёмных дворах. Да что там «в таких». В этом самом дворе, буквально несколько недель тому назад, ещё осенью грохнули старика соседа, когда тот возвращался домой с вечернего променада на сон грядущий. Кому помешал, Иваныч? Девчонку из соседнего дома изнасиловали, говорят, тоже тут. А собак сколько перебитых - не счесть! То дворник лопатой их, то машина какая шальная...

Какое-то странное беспокойство поселилось внутри. Марк не мог понять, что с ним происходит. Подобное состояние у него было, пожалуй, только в детстве, когда, с высокой температурой его укладывали спать, а он всматривался в узор на обоях и тени на стене. «Бред, какой! Ты что, боишься темноты?» - ехидно спрашивал внутренний голос, но он не переставал прислушиваться, и даже пару раз обернулся - не нагоняет ли кто.

Наконец, подошёл к своему дому. На втором этаже, ярко и зазывно светилося всего одно окно. Как всегда, в такое время. "Ночников" в доме было мало, в основном, семейные с детьми, и прочие "правильные люди", ложающиеся спать засветло, и только Марк да соседка эта, Людка ночами куковали. Скорее, совили, как ночные птицы, занимая себя всякой лабудой. «Не спит. Зайти что ль?»

Эту Людку Марк когда-то хотел трахнуть. Они были почти ровесниками - девчонка года на два младше, и, казалось бы, ничего не мешало им слиться в экстазе, но у Людки был папа, который терпеть не мог Марка, а Марк его. Влёгкую ухажнуть за Людкой с целью «дружеского перепиха» не удалось бы, будь даже сама девица на это согласна - папа всегда был дома, и всегда был начеку.

Да ну! Скучно! Всё скучно...

Свет в подъезде перегорел. На ощупь вызвав лифт, Марк прислонился к стене и под скрежет старого лифтового механизма едва не уснул. Странное, вообще, какое-то состояние полусна преследовало сегодня целый день, да ещё старик этот... Марк был молодым-здоровым-современным, и вполне себе реалистом, но сейчас, ему отчего-то казалось, вляпался в какую-то странную, и уже теперь кажущуюся неприятной историю...

В семь утра, как обычно, он вышел из дома, и по свежему, за ночь выпавшему снежку, под галдёж ворон пошёл к остановке. Автобус и не подумал прийти скоро, поэтому он курил, согреваясь наподобие йога мысленно, от дыма своих сигарет. Настрою работать не было. Марк помнил, что в предновогодней горячке рекламный отдел оставил «на потом», «напосленового года» кучу проектов и теперь, в первый рабочий день все, в том числе начальник вспомнят об этих «напотомышах», и рьяно возьмутся за выполнение. Эх, а как неохота!

На остановку пришла девушка. Остановившись в нескольких шагах от Марка, тут же подняла руку голосуя. Довольно глупо, если учесть что дорога была абсолютно пуста. Марк давно заметил, что такая нелепость, стоящий у пустой дороги человек с вытянутой «голосующей» рукой не редкость. Люди всё меньше и меньше задумываются над своими поступками. Действия их механические, по инерции. Слишком много впечатлений, слишком много текущих дел, забот, хлопот. На мелочи, вроде задуматься, так мало времени!

Пришёл лифт, бесшумно открыв свой зев. Дверь мучительно долго не закрывалась, и Марк смотрел в чёрный провал подъезда. Смутные, весь день изводившие его видения роились в непроглядной темноте.

Офис, в котором он работал, располагался на последнем этаже высотки в центре города. Из широких окон открывался неизменный тоскливый пейзаж, рекламные щиты и дорога, с медленно плывущими точками - автомобилями. Хотелось бы уметь летать, чтобы хоть как-то

разнообразить нудные будни. Работа считалась "творческой", и Марк усиленно делал вид, что так занимается творчеством, вот только, этот скучный процесс, где всем - и начальству, и заказчикам, и сотрудникам было важно лишь соответствие формату установленному "сверху", более всего, напоминал конвейер, на котором, как яйца в коробку - по лункам раскладывались идеи, и "креатив". Он смотрел в окно, ожидая вердикта на отосланный начальнику файл со свежей сборкой макетов, и ни о чём не думал. Хотелось курить, однако этой радости мешало «мудрое» решение начальства вычитать из зп за каждую потраченную на что-то кроме работы минуту. Вычиталось не много. Но из принципа весь коллектив рекламного агентства отказался от курения во время рабочего дня. Начальник был недоволен, но смирился.

Пришёл ответ от начальника: «Макет под номером 2 переделать с учетом правок. Макет номер 3 отправить заказчику. Макет номер 1 убрать в долгий ящик». «Ну и переделаю. И отошлю. И уберу.» - машинально подумал Марк. "На улицу! Как хочется на улицу! Как когда-то в детстве, когда сидя дома за уроками, слышал весёлые крики ребят за окном. То ли старею, то ли надо что-то менять. Пожалуй, пора заняться последним. Фиг бы с ней, с зарплатой. Прокормлюсь. Но здесь тоскааа!». Мельком взглянув на часы, отметил про себя, что до конца рабочего дня осталось ровно пятнадцать минут.

«Отлично! Сегодня схулиганю» - он улыбнулся своим мыслям. Иногда он позволял себе маленькое преступление. Уходил с работы на пять минут раньше установленного времени, тем самым символически компенсируя отобранное «курильное» время. Справедливости ради нужно отметить, что абсолютно все члены коллектива поступали так же. Таким образом, закрывалась несправедливость морального подавления.

Марк открыл файл заказа, который предстояло переделать. «Так, вот теперь внимание! Давай, подробно, до мелочей, вспоминай всё...» - он напрягся, чувствуя, что эти события уже где-то рядом, недалеко от отправной точки, когда в его жизни начало происходить что-то не то...

... Файл под названием «Butterflies» выполненный в средневековом стиле, предварялся витиеватым шрифтом, таково было пожелание заказчика. Далее следовал розовый сад, с порхающими над ним бабочками, и объемные фигуры «прекрасных дев», как сомнамбулы перемещающихся из пункта «А» в пункт «Б». Марка откровенно раздражал этот тупой дизайн, но в его задачи, в данном случае, разработка имиджа не входила. Он должен был только писать, править, и размещать соответствующе все тексты. Он начал просматривать текст уже выложенный в файл и замер. Вместо стильного, а-ля баллада текста, (между прочим, с референсом к Бёрнсу), написанного им ещё вчера для свадебного салона, предлагающего состоятельным господам украшение лимузинов и банкетных столов живыми розами, и банкетные залы - живыми бабочками (креатив века, вашу мать!), теперь стоял жуткий канцелярский текст какого-то безвестного автора.

- Почему заменили текст? Что это значит?! - кричал он в телефонную трубку. - Мне бы хоть сказали, что я теперь просто тыкалка в кнопки!

Но его эмоциональная речь должного эффекта не произвела, и последнее слово, как водится, осталось за начальником. Швырнув трубку на рычаг, он торопливо сорвал свою куртку со спинки стула. Стул с грохотом перевернулся, задев ещё два, но ему было плевать. Он вышел из кабинета, захлопнув за собой дверь. "Пора, пора отсюда с концами уходить", возмущённо думал Марк. Так оно обычно и бывает - повреждение одной какой-то мелочи в конструкции способно разрушить её всю.

Бесцельно бродя по безлюдному неприветливому парку, он ещё и ещё раз перебирал в памяти все слова, весь тот не обильный набор стандартных слов, что произносил в трубку начальник.

- Почему заменили текст?

- Нет, ну тот куда не годился.

- Как? Вы же его утверждали!

- Марк ты меня обвиняешь? Ты не забывайся! Мне позвонили, мы обсудили всё, и я решил, что другой текст лучше.

- Почему же вы мне не сказали, что надо переписать? Я бы переписал всё! Кто писал тот текст? Это же полная туфта!

- Мне не понятно твое раздражение, Марк!

- Что?! Да вы...

- Так! Ты что это, мальчик, на личности переходить собираешься?

- Да я...

И тут в трубке раздались короткие гудки.

Короткие гудки. Именно в тот момент, когда он услышал эти монотонные пиканья, в его голове впервые возник этот странный образ. Лишённый конкретных очертаний, смутный, и в тоже время реальный: девушка, стоящая в тёмном коридоре какой-то квартиры. Марк не успел разглядеть её лицо, но отметил, что девушка не знакомая. Тогда он отмахнулся от неожиданного видения.

И всё? Только гудки и девушка? Нет. Нет же! Было кое-что ещё...

Устав бесцельно бродить по парку, Марк присел на скамейку рядом с седым стариком, с аккуратно подстриженной бородкой на сухом, чуть тронутым загаром лице. Старик был в светлом пальто, на плечах нарочито художественно перекинут клетчатый платок. Весь его вид, поза, всё «кричало» о стильной выдержанности зрелого интеллигента. Марк посмотрел на него, и в ответ, тот также одарил его долгим взглядом.

И тут он услышал, или, скорее почувствовал голос старика, звучащий в своей голове:

- Всё будет хорошо.

Проглотив безропотно это вмешательство в собственные мысли, Марк продолжил утопление в темных зрачках неизвестного старика. И продолжилась неспешная беседа.

Марк не помнил потом, о чём они говорили, что рассказывал ему старик, что отвечал, и на какие вопросы он сам. А потом, вдруг, раздался глухой хлопок. Марк вздрогнул, и словно только что открыл глаза. Свет изменился. Совершенно стемнело, и зажглись фонари, красиво подсвечивая парковые дорожки. А старик исчез, только на скамейке теперь лежала картонная визитная карточка. Марк перевернул её. Ни имени, ни какой-нибудь должности, ни номера телефона. Только адрес. Он схватил её, и засунул в карман. В тот момент парень был полон решимости завтра же, на свежую голову навестить старика.

Марк достал из кармана визитку, перевернул, но белая картонка теперь была пуста. Повертев пустой бланк визитки в руках, скомкал её, и бросил на пол. «Чушь какая-то. Адрес стёрся, что ли?» Но беспокойство нахлынуло с новой силой. Он вышел из лифта на своем этаже. Отпер дверь своей квартиры, и навстречу, как всегда выбежал ДвоБа, его кот. Это имя, Дворовый барон, а сокращенно ДвоБа, подходило ему, как нельзя лучше. Марк подобрал его на улице сильно раненного. Вылечил. А потом ДвоБа не пожелал уходить. Серый, жилистый, котяра «с судьбой». Про таких говорят, что его невозможно представить пушистым котёнком. Он отчаянно дрался тогда с другим дворовым котом. Марк наблюдал, как животные катались в клумбе у подъезда, затем переместились на асфальт и продолжили, зловеще утробно урчать друг друга. Это утробно урчание не меньше, чем глубина кошачьих глаз, выдаёт их предельную природу.

Пришельцы из другого мира дрались на чужой планете, а после, абориген - Марк забрал победителя, но не победу! к себе...

Огонь карателя

Наблюдая за людьми параллели Земли, К. приходил к парадоксальным выводам, которые порой смешили, но чаще ставили в тупик своей нелогичностью. «Неудивительно, что

Высшие так тщательно прячут эту параллель. Да, здешние люди очень походят на прочих, которые населяют бесконечность, но они их никогда не увидят, а значит, никогда и не столкнутся с собственной нелепостью. Вроде, такие же по виду, как все прочие, но для чего-то наладили себе болезни, боли, неисправные тела... А уж сколько всего лишнего абстрактного накрутили! Мораль, нравственность, душевные переживания... Само их существование противоречит любым законам устроенного бесконечного мира, но именно это, позволяет высшим управлять ими, оставаясь незамеченными.

Хороших слуг создали себе Высшие. Невидимые, ничего не жаждущие слуги, питающиеся телами и временем тех, на ком паразитируют. Своими ж сородичами. Энергии, которые несли в себе, и наделили свои детища высшие существа, были теми полипами, что управляли человеческим сообществом. Люди зависимы от энергий, а те, своим балансом определяют их существование. Энергии эти вращаются, вращаются, взаимодействуя друг с другом, и никто никогда не знает, сколь долго это кручение, отталкивание, вращение, столкновение и слияние будет длиться...

Высшие! Вы обманщики! Потому вас и четверо. Это было придумано специально, для того, чтобы вас невозможно было вычислить, и остановить ваши деяния. Только вместе вы сильны, но вы никогда не едины. И только вам, каждому по отдельности, известен замысел - понятна суть.

Жизнь человеческого духа. Люди привыкли к этим понятиям - «дух», «душа». Они сами наделили себя почти физическими ощущениями этих определений, призванных обозначать индивидуальность каждой особи. Душа диктует, по их мнению, поступки и помыслы, а дух даёт силы их осуществлять. Высшим была выгодна эта теория, ведь она помогала им оставаться невидимыми, не позволяя людям понять, что каждый их шаг контролируется, и ничто не остаётся незамеченным в бесконечном пространстве. К. разгадал эту хитрую ловушку. Своей энергией, средоточием душевных сил КаПечью, он управлял самостоятельно, и отнять её никому бы не дал. Что людьми параллели Земли принимается за душу? Вот, они здесь постоянно говорят о душе. Определяют душевные параметры, насколько они хороши или плохи. Люди людей по этим критериям определяют, сами их оценивая, будто что-то понимая. Будто видя разницу, между всеми энергиями, из которых выстроена зыбкая пирамида человеческих существ. Словно они, люди, знают, что душа движет всем, что делает человек. Видят её...

Но, нет. Нет. Если бы им было что-то ведомо, разве ж были бы они так слабы?

Здесь и сейчас, К. был стариком. Благообразным дедом, с аккуратной причёской из седых волос, с прилаженным к старческому туловищу костюмом. Опрысканный подходящим этому времени и месту парфюмом. Как он ненавидел эту кличку - Дим Димыч! Земное имя, как хвост - атавизм, который пришлось приладить, переместившись в эту параллель.

Вопрос "быть или не быть? ", которым задавались люди, был лишь примитивным отзвуком его личного, вечного вопроса "Был или не был?". Вопросы, на который не могли ответить ни живые камни и земли его параллели, ни вечные летяги метеоры, ни существа неразбуженных параллелей, ждущие своего часа чуть дольше, чем божественный миг. Не помнил и он сам, забыв, едва нашёл путь, был ли он когда-то земным порождением. Человеком из параллели Земли, или обрывки воспоминаний об этом мире лишь страшные сны?

Он не помнил родства. Не хотел, и не знал. Его прошлое стёрто. Сила, что жила и бурлила в нём, была для него столь же естественна, сколь и само его существование. Но здесь, в параллели Земли было нужно имя. Необходимая маскировка, искусственная оболочка для того, чтобы выжить. Всякий раз, переходя, когда - для забора энергий, когда, как сейчас, в поисках своих врагов, К. постоянно ощущал присутствие стражников повсюду. Они разыски-

вали его, они следовали за ним, шаг за шагом, оказываясь в глазах прохожих, в тенях и даже пище.

Забавно! Месть не была в фаворе ни в одной параллели. Не равнялась благородству, не вызывала священного трепета, не была даже кристально ясна. Всегда находились альтернативы, свет VS тень, которые вызывали Высших на диалог...

Он был хитер. Долгие пустые годы, проведённые в безвременном пространстве, где однажды отбывал наказание, он тратил на то, чтобы вспоминать, и практиковать навыки, украденные из мира кентавров. «Ну почему? Почему, этим существам доступно от рождения то, что мне приходится достигать с таким трудом? Где же справедливость ваша, Высшие?!» - это был один из его вечных вопросов, на который он не находил ответ.

К. был ещё молод, когда впервые оказался в лесу кентавров. Болезнь поразила его внезапно, К. умирал. Его кровь гнила, от его зловония разбегались люди в деревне, пока мрачная повозка проводника в лес кентавров, проезжала по улице. Он не помнил, что происходило первые часы, а может быть дни, что он провёл в лесу. Мутные пугающие образы заполнили его сознание, он видел буйство стихий, красок - энергий нападавших, и терзавших его. Но потом пришёл кентавр. Существо иного порядка, о котором раньше К. слышал лишь из рассказов стариков. Когда-то они были мирными, и не трогали людей, но однажды, что-то случилось, и кентавры вступили с людьми в битву. Никто из тех, кто пережил те времена, не мог рассказать об этом, как не просил их К. Они не помнили. Ничего не помнили, будто кто-то стёр с их памяти единым махом всё самое важное, оставив лишь несущественные детали.

К. не боялся кентавра, а тот только смотрел на него, и что-то бормотал, потом начал петь. К. чувствовал, как его боль уходит за голосом кентавра, уносится вслед, за его песней. К. очищался, его тело становилось сильным и лёгким, а кентавр, К. это видел, слабел на глазах, и, закончив петь, замертво рухнул на землю. А человек чувствовал себя превосходно. Ему хотелось есть, бежать, прыгать! Даже не взглянув на своего павшего спасителя, К. побежал в чащу леса, смеясь, и радуясь, как ребёнок своей первой победе. Он победил смерть, и он ликовал.

После, кентавры оставили его немного пожить в своём лесу, чтобы он мог восстановиться окончательно. Они похоронили своего собрата, а К. продолжали целить, потчужа какими-то замысловатыми снадобьями. О павшем лекаре кентавре, кажется, даже не вспоминали, празднуя победу человека над его страшным недугом.

К. смотрел на всё это лесное великолепие, наблюдал за странными существами - то ли людьми, то ли конями, и именно тогда, начали пробиваться в нём первые ростки ненависти. «Как же так? Разве люди не такие же дети создателей, Высших, как кентавры? Почему мы так трудно живём? Почему нам приходится так много работать, чтобы прокормиться? Почему, о, почему так скучны наши праздники? Почему мы не можем исцелять себя сами, и вынуждены просить помощи этих нелепых существ?» - пока он только думал, но мысль, стелясь позёмкой в его сознании, уже раздувала огонь ненависти.

Они жили в лесах параллели. Построили там свои деревни, миры в мире, не пересекавшиеся с человеческими. До тех пор, по крайней мере, пока людям не нужна была их помощь. Люди болели, а кентавры умели лечить. Та сила, что дана была им Высшими, им не принадлежала, но постоянно жила в них. Никто из них не пытался рассуждать ни о природе этой силы, ни о том, имеет ли он право её использовать. Они просто знали, что если их помощь кому-то нужна, они должны прийти и помочь, и ничто не могло им помешать.

Кентавр мог пронести на своей мощной спине мимо болезни, мог вынести из смертельного потока. Когда можно было сохранить жизнь больному, умирающему, кентавры приходили сами, и спасали. Их не нужно было звать. Только верить. Многие из них были советчиками Высших, ибо могли понять людей, которых подчас не понимали сами их создатели, путая с их

же теньями. Люди - кони давали понять Высшим, когда зов человека был действительно важен для бесконечности, и приводили человека к ним. Проводники в бесконечности, единственные из созданий Высших, кто не стремился править в параллелях, управлять друг другом, или иными существами, но именно им, если бы только могли, Высшие доверили бы свои права.

Путешествие в мир кентавров оказалось познавательным. К. научился многим колдовским умениям этих существ, причём, научился очень просто, всего лишь наблюдая. И эта его способность поглощать природу иных существ, и обращать её, варя в своём, неподконтрольном Высшим котле - в самом себе, заставляла его поверить в свою избранность. К. наблюдал, подавляя в себе отвращение к этим, так непохожим на него существам. Подмечая плотское уродство, чужой животный запах, иной, не подобный человеческому взгляд так же человеческих - да не совсем - их глаз...

Только вдуматься! Как бы поразился, сколь мгновенно и сокрушительно был бы покорён человеческий мир, если б их собрат смог вместить в себе силу кентавра! - грезил он. Иметь их знания, силу, не меняя своей природы. Первым человеком знания стать, сделав весь мир подобным лесом покоя и благодати, но и ресурса небывалой силы, где главным - серебром и золотом всяя Земли был бы лишь он...

К. и дольше бы оставался в лесу, но очень скоро, на совете, где присутствовал самый старший из кентавров, старик с серебряными глазами, ему сказали уйти. К. просил позволить ему остаться, но старый кентавр, лишь посмотрел на него печально, и, мотнув головой, с пышной гривой седых волос, сказал:

- Ты здоров. Твоё место среди своих. Ты никогда не будешь похож на нас, ибо рождён разрушать. Ты научишься обращать. Но так и не поймёшь, что ты должен обратить на самом деле.

- Но почему ты должен решать, могу я остаться, или нет? Я хочу сам определять, где, и каким мне быть! Почему ты главный?!

- Мы не можем позволить тебе быть с нами, и ты забудешь путь в этот лес. В этот мир. - ответил ему другой кентавр. Здесь главных нет, К. Наши правители не превосходят, они ведут нас, следуя рядом.

- Но вы лжете! Говорите, нет главных? Но сами слушаете его, старика. Почему? - не унимался К. Он уже не мог согласиться с тем, что просто уйдёт из таинственного кентаврьего леса. Пусть излеченным, но так и не узнавшим все их секреты.

- Старый кентавр был здесь до нас. Он всегда будет видеть на тень больше вперёд. - отвечал ему другой кентавр.

- Путь бесконечности должен оставаться нескончаемым - закончил ещё один из кентавров.

- Но почему?! - К. понимал, что спорить бесполезно, но остановиться не мог.

- Ты не видишь, не ценишь любви. Она повсюду, К., и да будь уверен, в последнее твоё мгновенье, тебе предстоит её узреть. Прощай.

Среброокий посмотрел на него в последний раз, и К. даже не почувствовал, как мгновенно заснул. Очнувшись в своей долине, на своей кровати он не помнил ничего, кроме фантастической красоты песен кентавров. Он надеялся, что вернётся в свою долину исполненный знаний, но стоило ему покинуть лес, всё познанное обратилось в видение.

К. существовал, жил в человеческой долине - юдоли, но ни на миг не забывал, что где-то там - в лесах, куда не добраться, живут они - любимцы Высших, коим положено всё...

И однажды, не выдержал. Несправедливости высшей не вынес.

В долине было много людей, на его взгляд, пустых. Тех, кто и сам не понимает, для чего тут, и других убедить в своей надобности не может. К. был силен. Взял одного такого, и попо-

лам разрубил. Чего проще в долине скал, где любой клыкастый кремень острее пилы, когда владеешь навыками телекинеза?

К. взял коня - их много по долине бродило. Голову да шею коню снёс - человеческий стан приладил - чай не зря кузнечному мастерству обучился. А то, что не живой получился мутант - не важно. Он сделал это. Он нашёл способ, он - высший кузнец!

К. притащил своё детище туда, куда люди болезных к кентаврам водили. Воды лил - стоны пел, просил помощи. Оживить его, оживить человека-коня, им принесённого...

Мольбы не слышали. Долго оставаясь в тишине предлесной пустоши, К. вспомнил. Своё возвращение в жизнь в кентаврьем лесу. Слова песни павшего лекаря. Травы, и муть атмосфер параллели... Детали угасли, но осталось, отпечатком на тонкой материи чувств, эмоциональное переживание от того соприкосновения с детьми бесконечности. Он вспомнил всё, словно свершённое, это убийство, придало ему сил, и компенсировало потери. Теперь было совсем не время сдаваться. Ещё немного, и впереди... Бесконечность!

Им нужна ещё жертва? Что ж! И К. занёс над своей рукой топор...

Хлынула кровь.

Из леса вышел кентавр.

К. не видел, и не помнил, что было.

... Он очнулся снова в долине, где его выхаживала жена убитого им соседа. А за порогом дома долго стелился туман, затирая все тропы к кентаврьюму лесу...

Он не только сменил свой внешний облик, но изменил свою внутреннюю структуру. Оставаясь по сути своей человеком, он стал существом иного порядка. Стражники просто не видели его, а он, если замечал кого-то из них поблизости, смело проходил мимо, даже заглядывал им в лицо. Они слабы, и никогда не смогут почувствовать К. так, как, возможно, смогли бы Высшие. Но тем всегда не до своих детищ. Подумаешь, скрывается где-то на Земле преступник, уничтоживший пару-тройку их детишек, только и всего. Высшим не важна бесценность физической жизни, но никто не хочет в это верить...

Люди параллели К., и люди Земли верят, что были созданы неким высшим проявлением. Проводят свои смешные изыскания, исследования, опыты. Принимают то, что Высшие считают возможным им показать, за действительное. Раскладывают по полочкам, и демонстрируют потомкам, как историческую данность. Авторы этих сюжетов, Высшие, не нарадуются, наблюдая такую рабочую систему. Запустил, и можно расслабиться. Всё будет работать само по себе, никаких дополнительных трудов не потребуется. Дальше, люди додумают всё сами. Вера, и облепившие веру суеверия сделают всю работу.

К. же хотел быть даже не автором, но заказчиком сюжета. Просто творить, создавать, как делали это Высшие, ему не было интересно. Пусть создают исполнители, довольствующиеся тем, что могут считать себя творцами. Они не понимают, что и творец выполняет чью-то волю. Он не хотел играть в игры Высших, по ими установленным правилам, не желая никаких правил над собою. Единица в бесконечности. Великий. Всемогуший. Он мечтал о том, что любое существо, в каждой параллели бесконечности, будет добровольно отдавать ему свою энергию, и исчезать с его пути, освобождая пространство от лишних, раздражающих элементов. К. представлял мир бесконечности, как бескрайний простор, в котором нет границ, нарушить которые он бы не мог. Но только он. Никто больше не посмеет переходить в иные параллели, и только К., сильнейший правитель будет исследовать все закоулки. Никаких подачек жалким существам. Ничего из тех возможностей, которыми обладал он сам, они не получают. Не будет никаких ответов на их мольбы - станет лишь сплошная стена меж мирами. И только он, единственный сможет сквозь неё проходить. Ведь основной ошибкой Высших стало то,

что они слишком многое позволили своим «детишкам». Нет, в случае малейшего неповиновения, мгновенное уничтожение. Только так, бесхитростно, но жестко, можно управлять любыми созданиями бесконечности.

К. привык наблюдать за людьми, и считывать их мысли, будто печатные буквы с листа. Они никогда не думают о чём-то, что было бы непонятно ему. И его искренне поражало порой, когда кто-то из них подбирался к главной тайне, загадке бесконечности. Но он не вмешивался, не намекал, что мог бы помочь дойти до конца в этих исследованиях бесконечных тайн. Зачем? Всё равно, завтра они всё забудут, с их скользкой памяти соскользнёт мысль, и они продолжат свои бесполезные метания.

* * *

Иногда обитатели параллели Земли становились случайными свидетелями открывающегося пути в бесконечном пространстве, порой даже замечали обитателей других параллелей. Глядя в небо на закате, каждый человек видел причудливые рисунки облаков, их изгибы, игры света, преломление цветовых потоков в лучах закатного Солнца. Небесные картины являли вполне конкретные для человеческого глаза образы, и немногие верили увиденным небесным пейзажам, а свет уходил, неминуемо унося с собой и картины «написанные» небом. Магия увиденного меркла, и лишь единицы были способны узреть больше, продолжить наблюдение за пропавшим во тьме пейзажем и увидеть путь перехода, открывающийся между параллелями.

Как правило, застигшим момент перехода людям приходилось его забыть. Обстоятельства их дальнейшего существования просто не позволяли им помнить об этом. Беспредостановочное давление данностей жизни глушило, забивало память, и люди покорно соглашались забывать. Те же, кто боролся и не желал утрачивать свою память, как веру, никогда не могли видеть ясно. Им не удавалось собрать воедино увиденные ими когда-то картинки перехода существ из иных параллелей, а те обрывки воспоминаний, что оставались, мучили их всю жизнь.

Из чувства самосохранения, такие люди называли себя творцами. Ибо они со-творяли, воссоздавали увиденное в своих произведениях. Кто - в живописи, кто в литературе, а иные в звуках музыки... Но Высшие не давали им главного ключа. Так сложилось, что при всех своих возможностях, человеческое сообщество не готово было принимать даже рожденное своими же умами. Как только они понимали, что нечто непостижимое реально, они стремились это разрушить. Не желая слышать призывов остановиться, шаг за шагом они неосторожно приближались к знанию, но соприкасаясь с ним, разрушали и его.

Высшие сочли добрым знаком, когда человеческий организм научился воспроизводиться, и стали рождаться дети в параллелях людей. Ведь посредством такого живого примера, люди могли бы понять, наконец, что невозможно только брать, ничего не отдавая взамен. Невозможно нести энергию в себе, и не делиться ею. Но люди продолжали считать, уничтожать всё живое, что встречали на своём пути, во имя света, но светящего только для них. Окажись бесконечность в их руках хотя бы на время, все созданное Высшими разрушилось бы. Слишком тонка была материя, из которой соткали обитаемые параллели Высшие. И слишком мощным был напор захватчиков, таких существ, как К., и... Люди параллели Земли, будто его последователи, мечтавшие о власти над бесконечностью.

Создавая что-то для варёва единого котла, распростёртого повсюду, созидательные высшие силы отдавали части себя. Оттого всё сущее несёт в себе часть создателей, и потому же смеет спорить с ними. Ведь споры эти ведутся с самими собой. Высшей наградой от бесконечности, стала для Высших относительная самостоятельность созданных ими существ, всего человеческого сообщества, и в частности в параллели Земли. Люди же, которые с момента своего появления совершали попытки захвата, получили лишь жалкий трофей – смутную память о чём-то большем, не дающую им покоя. За постоянное непослушание, за гнев и хулу, создатели вместо наказания подарили людям очередной подарок. На примере их же собственных

детей продемонстрировали людям свою боль. Но всё было бесполезно. Умение восстанавливаться после боли и потерь, сыграло злую шутку с людьми. Невидимые шрамы не болели, но навсегда зарубцовывали нечто большее в каждом из них, оставляя лишь чёрствый, и очень прочный остов.

К. не желал смириться с устройством бесконечных параллелей. Ему не нравился переполненный мир, бесконечный путь, пройти который он никак не мог, ибо несть ему конца. Он мечтал упорядочить и разбить его на чётко обозначенные зоны. Тогда не надо было бы бороться за смирение среди отдельных существ. Их можно поместить в особую зону - резервацию, а их место займут послушные существа, признающие власть К. Единственного правителя, обладающего нераздельной силой.

Согласие и смирение – вот удел человечества, к которому жаждал привести его К. Но это в будущем. Впереди возможная борьба с существами далёких параллелей, чью природу он ещё не изучил. Там, в далёком времени таится много нераскрытых пока что тайн, раскрытие коих станет его вечностью.

Но сейчас К. предстояло позаботиться о главном. О собственной безопасности. Свою временную старость он не считал приговором. Старость, приближавшая его к смерти, естественный процесс, задуманный Высшими для регенерации бесконечности, была такой же обращаемой данностью, как и все прочие. Время, данное на жизнь любому человеческому существу, это пластичный материал, из которого можно лепить всё, что нужно. Расчленив время на элементы, К. понял, что оно состоит из увиденных некогда образов, и элементов чувств, тех эмоций, которыми был насыщен определённый временной промежуток. Так, стихия Воздух, предоставляющая образы, объединялась со стихией Воды, несущей чувства. Но для фиксирования этих образов, дабы те оставались отпечатками на бесплотном фоне бесконечности, нужна была некая материальная субстанция. Стихия Земля придала форму мыслям, и их следствиям, образам. Так сформировалось время, которым возможно управлять. Временные промежутки, моменты, секунды, и века – эти отпечатки оставались на единой матрице лишь до тех пор, пока жива была некая физическая форма, в которую они облечены. Но как только в силу вступала четвёртая стихия Огонь, данность времени исчезала, уничтожалась, сгорая дотла. Так возникло орудие самой бесконечности, тайна которого была доступна лишь избранным. Огонь карателя, уничтожающий данность самого времени.

В памяти людей параллели Земли, иногда оставались обрывки временных данностей прожитых жизней. И каждый человек был носителем единого, не зафиксированного ни одним хитроумным прибором, элемента данности времени. Поэтому, каждый, так, или иначе, знал о силе Огня. Так возник в их сознании пугающий образ уничтожения их мира в Огне. Теория большого взрыва, которой периодически заболело человечество параллели Земли, была отголоском воспоминаний об Огне карателя, который Высшим порой приходилось использовать, когда эта параллель чрезмерно наполнялась энергиями. Даже простейшие, бытовые способы человека излечивать самих себя от болезни временных данностей, были воспоминаниями о силе Огня. Так, человек, желая отрезать часть времени, данного ему, нередко пользуется следующим приёмом: сжигая материальный фиксатор времени, например, фотографии с места событий, случившихся в определённый промежуток времени, избавляется от этого времени. Интуитивно придавая, а затем, предавая внимание этого времени, он очищает свою память, замещает некое событие иным, а значит, обращает значение.

К. рассчитал все максимально верно. Множественные эксперименты со временем утвердили его в мысли, что поскольку его собственная жизнь не столь скоротечна, как жизни людей параллели Земли, проникновение в самые дальние параллели, и возможность действовать внутри них, дело лишь времени, и управления им. Но Высшие не позволяли людям из разных параллелей перемещаться и взаимодействовать друг с другом. Люди повсюду, и в его парал-

лели, и в параллели Земли - ближайшей из всех, и в более дальних, где действовали подчас необъяснимые, иногда не поддающиеся ничьему пониманию суровые законы, подсознательно ощущали, что они не единственные подобные существа во всём мире. И испытывали тоску по неизвестным, как будто, недостающим элементам... Будто бы то были ингредиенты некоего волшебного зелья. И им бы соединиться, свариться в едином котле, и стало бы чудо...

Но Высший закон, сколь бы хитёр и силён не был ингредиент - человек, путник в бесконечности, пресекал любые попытки свободных перемещений. Однажды, К. засекли, и вовремя скрыться, растворившись во времени, ему помог его навык накапливать мгновения. Он истратил тогда их все, и в тот раз, ему удалось скрыться, но после, пришлось надолго затаиться в своей параллели, вырабатывая новые мгновения про запас, усердным трудом. Эффект накопления времени достигался тратой времени на производство отдыха и покоя других. Через отдачу - получение. Удивительно простая, незамысловатая, несправедливая практика. Но, только отнимая время у более сильных, крепнут, развиваются новорожденные. И лишь отдавая свои мгновения, старики продлевают и свои жизни, и память временных лет...

Страшными рассказами о скитающихся, потерявших ориентиры существах пестрела история параллели К. Ему и самому, довелось однажды встретить безумца, пропавшего во времени человека, отправившегося в бесконечное путешествие, и не нашедшего пути назад. Кажется, это был человек из параллели Земли, застигнутый стражем во время перехода, и не сумевший объяснить, для чего он вышел за пределы своего мира. Люди, назначившие себя проводниками в земной параллели, мастерски наводили морок на разум своих соплеменников, внушая им, что испросив у неких Небесных высших сил разрешения на путь, они и вправду получают заветный билет в бесконечность. Но их ложь вскрывалась, едва с сознания человеческого падали оковы, и разум частный вступал в контакт со всеобщими бесконечными потоками. Морок рассеивался, искусственные данности меркли, и человек, открывшийся бесконечности, замыкал её на себе. Самоназванные проводники терялись, таяли в бесконечной пучине, ибо вся их жизнь заключалась лишь в отражении бесконечных энергий. Однако отражение не даёт наполнения, и за время своего человеческого пути, они не успевали набрать достаточный энергетический вес.

Энергетические потери были также одним из хитроумных подарков Высших. Да, поначалу энергии, которыми они одаривали каждое появляющееся в параллелях существо, давало ему жизненные силы. Но за любой проступок, несоблюдение высших данностей, непослушание, энергии эти отнимались вместе с аутентичной энергией этих существ. Со временем, живые существа настолько привыкли жить, питаясь лишь этими дарёными энергиями, что перестали вырабатывать собственные, так и не научившись черпать их из общего котла бесконечности. Бесконтрольное черпание энергий было невозможно, Высшие соблюдали баланс, и лишь избранным, таким мудрым хитрецам, как К. удавалось сопротивляться убыванию. Он научился брать, и компенсировать энергии так, что бесконечные потоки циркулировали в нём, не проходя вечного контроля Высших. Он был автономен, печь на самостоятельной подзарядке, аккумуляторная батарейка, не нуждающаяся во властной руке, которая будет ею управлять, и заряжать.

К. был уверен, что он такой один в параллелях. По ошибке ли, или по злему умыслу самих Высших, он пришел в мир своей параллели, как человеческое существо. Но, кто он, на самом деле, и кем ему предстоит стать?

Теперь же, следовало озаботиться сохранением личной силы. К. не стал размышлять долго, где её найти здесь и сейчас. Нэта! Его вечная энергетическая подпитка, тянуть жизнь, силы которой он умел в совершенстве. Не предусмотрел лишь одного. Её дочь, вечная противница, ненавистный враг Наим увидела его замысел раньше. Знала наперёд последовательность предстоящих событий. Ей дано было больше сил, и она любила Нэту. Она ушла из их параллели, одолела смертоносный переход, и шагнула в неизвестность, наполненную новыми,

порой невыносимыми для сущности кентавра, её истинной сущности, элементами. К. пришел в параллель Земли лишь для себя. Он пришёл, не неся ни знания, ни силы. Убивать и отбирать. Наим же шла, неся любовь, и Высшие сочли, что эта миссия должна быть выполнена.

Однако незыблемый до того мир данностей был нарушен, и неотвратно истончалась грань между параллелями. В параллели Земли творили свои дела пираты бесконечности, но Высшие молчали. Они словно забыли о ней, и попускали любые проникновения, не следя даже за тем, чтобы кто-то из людей не стал путешественником в бесконечности, со своей личной миссией. В руках Высших была тайна, которую люди параллели Земли принимали за свою, считали, что разгадали её, и пытались действовать, но в замкнутой спирали, по которой текли все энергии, Высшими была предусмотрена система зеркал.

Всё равно, когда-нибудь всё, что происходит в параллелях бесконечности, поглотят зеркала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.